

этой сгущенной атмосфере, чреватой грозами и молниями. Не все могут выдерживать это высокое давление страданий и греховности. Не всем дано любить Достоевского. В своих произведениях он рисует темное подполье человеческой души, и этот темный мир подсознания лишь изредка озаряется проблесками солнца. Многие читатели поэтому инстинктивно отталкиваются от Достоевского. В самом деле, персонажи писателя, столь магически оживотворенные его гением, производят странное впечатление сочетания банальности и ирреальности, безумия и высшей мудрости. Во всяком случае, они не ведут себя как джентльмены, как выразился когда-то один английский критик. В этом странном мире все возможно. Говоря словами самого писателя, «здесь берега сходятся, и противоречия вместе живут». Конфликты страдания и жестокости, гордыни и смирения растут лавинообразно, кульминируя в трагедии.

Вячеслав Иванов был первым критиком, обратившим внимание на то, что Достоевский как бы бессознательно придерживался закона «единства действия, времени и пространства», — закона, на котором построены античные трагедии. Тот же Вячеслав Иванов метко назвал романы Достоевского «романами-трагедиями». Эта художественная форма («романо-трагическая») обусловила собой своеобразие структуры его произведений, их коренную отличность от классических русских романов 19-го века. В самом деле, если мы будем мерить романы Достоевского традиционными мерками романов Тургенева, Гончарова, даже Льва Толстого, то Достоевский может показаться больным и даже «жестоким талантом» (как он и был назван Михайловским).

Но, с другой стороны, было бы неестественным, если бы трагическое содержание было подано в элегантной форме, — как неестественны были бы могучие аккорды «Бориса Годунова» в моцартовски-стройной симфонии. Искусство имеет двух богов — Аполлона и Диониса — бога прекрасной формы и бога страдальческих мистерий.

В русской литературе этот дуализм ярче всего олицетворяется в контрасте между Пушкиным и Достоевским. Солнечный гений Пушкина, этого русского Аполлона, контрастирует столь резко с ночным гением Достоевского — русского Диониса. Именно этим контрастом объясняется тот факт, что Достоевский всю жизнь столь высоко почитал Пушкина и влекся к нему. — В Пушкине он находил ту стихию светоносной гармонии, которой ему самому столь недоставало.

Во всяком случае, ночной мир Достоевского, озаряемый вспышками бенгальского огня его гениальных интуиции, должен быть понят иначе, чем дневные или вечерние миры большинства других русских великих писателей. Соответственно, его художество должно быть измеряемо и оцениваемо законами трагических мистерий, а не гармонической формы.

Романы Достоевского, в отличие от романов Толстого, развиваются не столько вширь, сколько вглубь. Это — путешествие в глубины человеческих душ или к вершинам человеческого духа — путешествие, чреватое таким же опасностями, какими полны спуск в пропасти или восхождение, через крутизны, на горы или исследование пещер.

Герои Достоевского, по меткому замечанию Бердяева, только тем и заняты, что разгадывают себя и других. Большинство главных героев писателя — загадочны (особенно Ставрогин). В контраст этому, многие эпизодические лица нарисованы автором в их полной портретности (например, мадам Хохлакова или Лебедев).

По существу, романы Достоевского — психологические и философские трагедии. Это — «романы-трагедии», как это хорошо подметил и прекрасно проанализировал Вячеслав Иванов.